

История философии

79 Этика со времен логического позитивизма.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Думаю, на этой неделе ко мне вернулся голос, так что мне стало легче, и я надеюсь, вам тоже. На прошлой неделе мы рассматривали, как анализ обыденного языка расширил и ослабил жесткий научный эмпиризм логических позитивистов. И мы видели это, в частности, на примере спора о религиозном языке 1950-х — начала 1960-х годов, когда пытались найти некую эмпирическую основу для разговора о Боге.

Сегодня утром, сегодня утром, немного поздновато, сегодня днем, я хочу взглянуть на этическую теорию, начиная с логического позитивизма, и то, что мы увидим вначале, — это влияние анализа обыденного языка на разрушение этого тисков логического позитивизма с его эмотивистской теорией этики. Айер очень эффективно формулирует это в своей главе об этике и теологии, когда утверждает, что на самом деле не существует никаких моральных суждений, которые можно было бы выносить, есть только эмоциональное выражение, даже не утверждения о субъективных состояниях дел, даже не эти суждения. Это просто описания психологических состояний, а не моральные суждения.

Поэтому утверждать, что воровство — это плохо, а война — позорно, — это просто эмоциональное высказывание, не имеющее отношения к тому, о чём мы говорим. Влияние анализа обыденного языка проявляется в дебатах, которые велись в рамках того, что мы называем метаэтикой, — термин, который был придуман в связи с поисками Джорджа Мура того, что такое благо. Вы помните, Мур утверждал, что у нас есть некоторое интуитивное знание о добре и интуитивное распознавание, вернее, о добре, хотя мы не можем свести его к какому-либо естественному свойству, счастью, удовольствию, полезности, естественному закону или чему-либо вообще, что можно определить эмпирически или метафизически, — его натуралистическая ошибка.

Эйер, конечно же, ответил на интуиционизм Мура, утверждая, что если мы не можем определить или описать благо, то этот термин бессмысленен. И поэтому эмотивистская теория просто возникла из подобных соображений. Но метаэтика связана со смыслом этического языка.

И вы можете очевидно увидеть, как метаэтические проблемы стали первостепенной задачей в результате утверждения логического позитивизма о том, что моральная терминология бессмысленна, когнитивно бессмысленна. Она ни к чему не относится. Но интуиционизм не умер в результате этого.

У. Д. Росс продолжил своего рода интуиционизм, где интуитивно понятным является не добро, а именно правильное. И эти два термина можно разграничить, проведя аналогичную параллель между «Миллем» и «не могу». Милль и любая консеквенциалистская или телеологическая этика озабочены добром, хорошим результатом, хорошей целью, к которой мы стремимся.

В то время как право связано с качеством самого действия или мотивом, а не с последствиями. В случае с «не могу» право всегда заключается в действии из чувства долга. Поэтому У. Д. Росс утверждал, что мы интуитивно осознаем право .

Смысл этого термина становится ясен, хотя мы не можем свести его к какому-либо другому свойству, избегая, видите ли, натуралистической ошибки. Но он узнаваем, например, в случае заключения договора или дачи обещания. В этом случае мы понимаем, что у нас есть обязательства, остающиеся в прошлом.

И правильно, что мы выполняем свои обязательства. Таким образом, значение этого термина связано с общепризнанными обязательствами, вытекающими из определенных отношений и договоров. Вы можете заметить, что то, с чего все началось, стало гораздо более распространенным, поскольку это своего рода договорная тема.

Заключив договор, мы накладываем на себя обязательства. Позже мы обнаружим, что это становится универсальным принципом, основой всех моральных обязательств, своего рода договорными отношениями. Но для Росса это всего лишь точка отсчета, приводящая примеры нашего интуитивного понимания этого права.

Однако анализ обыденного языка становится более эффективным, когда речь заходит о других упомянутых мною разработках. Моральный подход, частично разработанный Уильямом Франкнером, преподавателем Мичиганского университета, который написал широко используемое введение под названием «Простая этика» (Simply Ethics), которое, несмотря на объем в 100-120 страниц, вероятно, использовалось чаще, чем любое другое, и до сих пор на него ссылаются. Франкнер вырос в христианской реформатской семье, окончил Кальвинский колледж.

И хотя его теизм не выражен явно в его книге, он, безусловно, присутствует под поверхностью. И это стало очевидным в статье, которую он написал, кажется, я уже упоминал об этом, в конце 30-х годов, насколько я помню, в ответ на натуралистическую ошибку Джорджа Мура, где он утверждал, что хотя нельзя вывести «должно» из «есть», если у вас есть какая-то дополнительная предпосылка, например, теологического характера, то вы можете вывести «должно» из «есть». То есть, в то время как А логически не подразумевает В, А

плюс В логически подразумевает В. Таким образом, с добавлением какой-либо предпосылки, которая может ввести источник морального обязательства, основу для ценностей, вы можете вывести некоторое моральное обязательство из определенных фактических предпосылок.

Так что, если вы скажете: предпосылка Б, Бог, личностное моральное существо, существует, то вы сразу же получите оценочное суждение относительно исходной предпосылки. Но в любом случае, эта его первая работа, которая фактически закрепила его репутацию в философии, эта его первая работа, я думаю, подготовила почву для его последующего акцента на моральной точке зрения. Потому что значение этических терминов зависит от того, придерживаетесь ли вы моральной точки зрения.

Иными словами, принятие моральной точки зрения представляет собой некогнитивный компонент, не просто эмоциональный, а некогнитивный тип отношения, поскольку вы обязуетесь оценивать вещи с моральной точки зрения. Таким образом, с добавлением этой некогнитивной точки зрения вы начинаете понимать, что моральные термины относятся к таким отношениям, которые лежат в основе моральной точки зрения. Они имеют эту психологическую точку отсчета.

Можно сказать, что это приводит к своего рода этическому субъективизму, где моральная терминология определяется в связи с такими субъективными состояниями, как принятие моральной точки зрения. Хорошо, но в результате всё равно остаются когнитивные моральные суждения, чего не было у Эй-Джей Айера. Курт Байер — второй представитель этого австралийского философа.

Более широко известен прескриптивизм Р. М. Хэра. Р. М. Хэр, который преподавал в Оксфорде, помните, я упоминал его в связи с дискуссией о религиозном языке. Это был тот самый оксфордский профессор, который, как вы помните, иррационально отреагировал на попытку кого-то сделать это в то время.

В своей книге «Язык морали» он попытался проанализировать обыденное употребление морального языка в повседневной речи. И пришел к выводу, что моральный язык пронизан повелительным, а не изъявительным наклонением. Таким образом, его основное значение заключается не в том, что вы делаете какое-то фактическое утверждение, например, А — это Б, или что-то в этом роде, например, воровство — это плохо, а в повелительном наклонении.

Не делайте этого! Моральный язык предписывает, а не описывает. И поэтому он ускользает от позитивистской проверки якобы фактических описаний. Моральные утверждения — это не фактические описания; это предписания, и поэтому вы имеете дело с чем-то другим.

Обратите внимание, что в утверждении о том, что логически позитивистский взгляд на язык был настолько грубо сужен, что допускал лишь тавтологии и описательные утверждения, подразумевается эмоциональное выражение. А как же команды и тому подобное? Обратите внимание на эту загадку даже у Витгенштейна, в отрывке, который я читал вам вчера вечером, точнее, на прошлой неделе, где Витгенштейн говорит: «Кто-то говорит: не делай этого».

А что вы хотите сказать в ответ? А что, если я так сделаю? Витгенштейн, по сути, играет со странностью «не делай этого», если вы придерживаетесь редукционистского подхода, согласно которому всё, что вы можете делать, — это делать фактические утверждения или выражать мысли эмоционально. Вы спрашиваете: что это за «не делай этого»? И Харе, по сути, подхватывает это и видит в этом главную особенность морального языка, не только моральных суждений, но и всех других видов морального языка. Прескриптивизм.

Такой подход к нормативному регулированию, разумеется, довольно уклончив в отношении оснований, на которых он базируется. Это может быть социальное предписание. Это может быть предписание, данное родителями.

Это может быть какой-то другой приказ или распоряжение. Это может быть даже божественный приказ. И этот божественный приказ, как вы заметили, появляется немного позже.

Вскоре после прескриптивизма появился дескриптивизм. Суть дескриптивизма, по мнению Филиппы Фурт из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и Джона Сирла, заключается в том, что он основан не только на эмпирических фактах, но и на фактах, имеющих оценочную ценность.

И чтобы подтвердить свою точку зрения, Джон Сёрл в статье под названием «Как вывести «должное» из «существующего»» показал, как это можно сделать. Итак, давайте на время выключим это на доске, чтобы вы могли лучше это увидеть. Джонс сказал: «Я настоящим обещаю заплатить Смигу 5 долларов».

Это утверждение является фактом, поддающимся эмпирической проверке. Следовательно, Джонс пообещал заплатить Смигу 5 долларов, что является простым переводом. Таким образом, из этого снова следует, что Джонс взял на себя обязательство заплатить Смигу 5 долларов, что является простым вопросом определения условий.

Из этого следует, что, если переводить простыми словами, Джонс обязан заплатить Смигу 5 долларов. И, следовательно, опять же, если переводить простыми словами, Джонс должен заплатить Смигу 5 долларов. Таким образом, из эмпирически проверяемого утверждения вытекает моральное обязательство.

Иными словами, существуют некоторые фактические ситуации, такие как обещание, которое является социальным действием, чем-то, что можно описать эмпирическими терминами. Существуют ситуации, которые действительно включают в себя моральное «должно быть». Таким образом, вы описываете «есть» из «должно быть», тщательно описывая и соответствующим образом переводя описание.

Итак, то, что делал Со, видите ли, заключалось в указании на то, что он называет речевым актом, во-первых, как сказал Джонс: «Я настоящим обещаю заплатить Смиту 5 долларов». Это своего рода речевой акт. Это речевой акт, имеющий моральное обязательство.

Язык гораздо разнообразнее, чем упрощения, используемые в теории AGA. Поэтому возникает дескриптивизм. Сейчас же, во многих отношениях, одним из наиболее интересных направлений является теория божественного повеления.

Что касается литературы по теории божественных заповедей, то для тех, кто знаком с этической теорией, это уже давно известно, но часто она уходит корнями в Средневековье, к диалогу Платона «Эвтифрон», где Сократ обсуждает вопрос уважения к родителям, уважения к божественному и так далее. Возникает вопрос: правильна ли заповедь потому, что так хочет Бог, или Бог хочет её потому, что она правильна? Платон поднимает подобные вопросы. Суть в том, что существует давняя традиция прослеживания наших моральных обязательств, конечно же, до воли Бога.

Закон Божий, заповеди Божьи, как бы они ни были изложены. И это было подхвачено в связи со смыслом этических терминов. Я намеренно подхожу к этому так, чтобы показать, что теория божественных заповедей может быть использована как минимум двумя, а может быть, и тремя разными способами.

Его можно использовать, и, я думаю, в этом, пожалуй, заключается его наиболее полезное значение: его можно использовать при обсуждении основ морального долга. Почему нужно быть хорошим? Ну, это воля Божья. Теория божественного повеления.

Основа морального долга, совершенно очевидно. Это понятие также используется в качестве источника нашего морального знания. Откуда мы знаем, что правильно? Потому что так сказал Бог.

И, кстати, Карл Генри в своих трудах по этике делает на этом акцент именно в этом отношении. На самом деле, он не проводит различия между этими разными аспектами, но его главная задача — подчеркнуть источник морального

знания. Я думаю, что вы все еще можете использовать это для подчеркивания источника морального знания, если признаете, что в вопросах морали существует как общее, так и частное откровение.

И, конечно же, в Послании к Римлянам, глава 1, Павел прямо говорит о нравственном знании посредством общего откровения. Поскольку существует свидетельство о нравственном законе в том, как устроена человеческая природа, то в этом смысле наличие Бога как творца означает эту божественную заповедь. Но третий способ использования теории божественной заповеди, и тот, который имеет важное значение в этом постпозитивистском контексте, — это использование значения нравственного понятия.

Что значит сказать, что что-то правильно или неправильно? Что значит сказать, что это хорошо или плохо? Речь идёт о заповедях Бога. О воле Божьей. Таким образом, это обновление теории божественных заповедей призвано ответить на вопросы, поднятые Айером.

Это наиболее ясно видно в трудах Роберта Адамса. В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Кстати, вы, возможно, слышали, и, может быть, встречались с Мэрилин Адамс, когда она приезжала сюда на конференцию в прошлом году? Роберт Адамс — её муж.

Они — супружеская пара, работающая в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Замечательная пара. Он написал ряд статей по теории божественных повелений.

Филип Куинн написал книгу на эту тему. Он учился в Браунском университете. Сейчас он, как и многие другие хорошие люди, работает в Университете Нотр-Дам.

Кажется, весь мир собирается в Нотр-Даме. И Фил Куинн тоже там. Кстати, сейчас он редактор журнала «Вера и философия», издания Общества христианских философов.

Но сейчас главными голосами являются эти двое. Однако акцент на теории божественного повеления также восходит к Элизабет Анскомб. Чье имя вам следует знать?

Британская католичка-философ, которая ещё с сороковых годов внесла огромный вклад в области моральной философии и философской психологии. Думаю, это было в 1955 году. Она опубликовала статью в британском журнале Mind под названием «Современная моральная философия».

Современная моральная философия. В ней она сетует на то, что, похоже, на протяжении полувека существовал некий заговор с целью исключить концепцию права из современной этики. Она говорит, в частности, о влиянии утилитаризма.

Но, конечно, история первой половины этого столетия включает в себя не только распространение утилитарной этики, но и подъем логического позитивизма. Который, очевидно, исключил концепцию права из моральной философии. Она утверждала, что не совсем удивительно, что без какой-либо моральной основы Законодатель, очень трудно поддерживать концепцию морального закона.

И она, соответственно, сослалась на корни концепции морального закона в западной традиции, а именно в иудео-христианской традиции и римском стоицизме. Вот такое сочетание. И она, как католичка, как томистка, конечно же, выступала за возобновление акцента на моральном законе.

Это дало бы нам основание не только для обязательства, но и для осмысленности концепции морального закона. Осмысленность концепции морального закона. Этот термин может иметь смысл, если существует тот, кто устанавливает моральный закон.

А ей бы хотелось иметь теорию естественного права. Сочетание божественного повеления и естественного права. Божественное повеление придает смысл моральным понятиям, а также служит основой для авторитета.

И естественное право в том смысле, как мы понимаем свои моральные обязательства. Таким образом, эта история, по сути, возвращает всю этическую теорию к тому состоянию, в котором она находилась до появления позитивистов. На самом деле, в некотором смысле, она даже продвинулась дальше, чем кажется, благодаря серьезным вызовам чисто утилитарной этике, которые особенно ярко проявляются в теории божественных заповедей.

Но также и с моральной точки зрения, и с точки зрения нормативной этики. Есть комментарии, вопросы? Да, Карл. Да, но уточни это немного, Карл.

Без законодателя понятие морального закона теряет смысл. Нет эмпирической точки отсчета, нет фактической точки отсчета для морального закона. Конечно, могут существовать законы, принимаемые людьми, но в этом случае функцию законодателя будет выполнять законодательный орган или правитель.

Но это не обладало бы авторитетом божественного закона. Поэтому ей нужен божественный законодатель, чтобы придать смысл универсальному и неизменному моральному закону, без которого эта концепция была бы

эмпирически бессмысленной, фактически бессмысленной. Как бы на это ответил Кант? Ну, во-первых, Канта не волновали бы эмпирический смысл, эмпирическая проверяемость и все такое прочее.

Вот увидите. Ваш вопрос интересен, потому что Кант делает это наоборот. Кант скажет, что поскольку у нас есть это интуитивное осознание чувства долга, мы должны каким-то образом это объяснить.

В конечном счете, она является законодателем морали . Вы сами увидите. Поэтому я предполагаю, что Кант одобрил бы эту точку зрения Анскомб, отвергая при этом ее теорию естественного права с ее метафизической основой.

Вы сами увидите. Но связь между моральным законом и его законодателем Кант признает так же ясно, как и Анскомб. Да.

Кант сказал бы, что необходимо постулировать существование законодателя . И я подозреваю, что Анскомб, по крайней мере в 1950-х годах как томист, сказала бы, что мы можем использовать пять аргументов Фомы Аквинского в пользу существования морального законодателя. Но даже без законодателя , Кант сказал бы, что у нас есть обязанность.

Да, он бы сказал, что у нас есть чувство морального долга. Эта интуиция. Ну да, у нас есть интуитивное понимание общей основы морали, что мы всегда должны действовать из чувства долга.

Да, в этом смысле это интуитивно понятно. Противоречие возникает, когда пытаешься действовать рационально и при этом совершить что-то неправильное. Именно там проявляется противоречие, в конкретном моральном суждении.

Но я думаю, что разница между ними, о которой вы, возможно, говорите, заключается в следующем. Я использую термин «интуитивный» в отношении Канта. Да, не в смысле Мура или Росса, это не интуитивно, а в смысле общего ядра морали.

Но из-за появления позитивистского критерия проверяемости Анскомб предпочла бы избегать подобного подхода. Потому что позитивист спросил бы Канта: каков статус? Каково значение этого чувства долга? Является ли это эмпирически доступным чувством долга? И позитивист ответил бы: нет, не является.

Таким образом, этика Канта была бы исключена эмотивистской теорией Айера . Понимаете? Теперь, обходя этот вопрос стороной, Анскомб пытается вернуться

к смыслу концепции долга или морального закона. Следовательно, она зависит от того, кто устанавливает моральный закон.

Карл? Значит, признание этих моральных законов — всего лишь следствие существования какого-то морального законодателя? Это не интуитивно понятно, но скорее... Да, да, да. То есть, если человек — убежденный натуралист и у него нет морального законодателя, он вряд ли найдет в моральном законе какой-либо смысл. Никакого фактического смысла вообще.

Теперь, видите ли, спросите себя, вы это прекрасно понимаете, спросите себя, какой смысл, с точки зрения теории проверяемости Айера, какой смысл вкладывает в утверждение типа: «Мы все морально связаны универсальным законом»? Понимаете? Что значит быть морально связанным? Испытывать субъективное чувство необходимости это делать? Субъективное чувство вины, хорошо, сказал бы Айер, это то, что должен описать психолог, это не имеет ничего общего с моральным обязательством. Понимаете? Поэтому, если вы просто вернетесь к психологическим описаниям, это совсем не поможет. Помните четыре вида морального языка Айера? Помните? Есть психологические описания, и есть психологические и другие субъективные описания.

Есть призывы, хорошо, которые являются просто выражением эмоций. Есть откровенно эмоциональные высказывания, и есть якобы моральные суждения. Есть, я бы сказал, и метаэтические заявления.

Хорошо, перейдем к следующему. Результатом той дискуссии о моральном языке и его значении стало возрождение нормативной этики. И последние 20 лет мы наблюдаем чрезвычайно активную деятельность в области нормативной этики.

Я перечислил пять наиболее влиятельных писателей, имена которых вам следует знать, и вы уже знакомы с ними, если изучали этическую теорию. Джон Ролз в Гарварде, его книга по теории справедливости, представляющая собой введение в договорный подход. Вы помните понятие естественного состояния Джона Локка, которое, благодаря общим потребностям и правам, привело к гражданскому обществу, зависящему от некоего общественного договора.

Ролз говорит не просто о договорном принципе государственного устройства, а о договорном принципе морали в целом. Поэтому ему необходим эквивалент ролзовского описания естественного состояния. И он описывает то, что происходит за тем, что он называет «завесой неведения».

Завеса неведения. Иными словами, если группа людей займет позицию, что они ничего не знают о будущих последствиях, которые могут повлиять на них как в лучшую, так и в худшую сторону. Завеса неведения.

Какие принципы вы бы тогда установили для упорядочения нашей жизни за этой завесой неведения? И он предполагает, что то, что возникнет, то, что он предлагает, будет основано на двух принципах. Во-первых, что выгоды и издержки общества должны распределяться справедливо. И во-вторых, что это должно происходить тогда, когда существует неравенство, когда преимущества получают наименее обеспеченные люди.

С льготами для наименее обеспеченных. В связи с этим он попытался предложить способ организации политической экономики подобным образом. Это не совсем утилитарный подход.

Хотя, когда он говорит о выравнивании выгод и затрат, в его словах, очевидно, присутствует консеквенциалистский подтекст. Но это не утилитарный подход. Он не просто прямо заявляет: максимизировать выгоду для максимального числа людей.

Нет. В этом есть кантовский посыл, акцент на равенстве, игнорирование других соображений. В этом есть кантовский посыл, но это не кантовская этика, основанная на базовом чувстве долга.

Это договорное устройство. Поэтому мораль не основывается на каком-либо божественном повелении. Она не основывается на каком-либо априорном моральном принципе.

Оно не основывается на эмпирической оценке последствий. Хорошо. Таким образом, вы исключаете божественное повеление, вы исключаете естественный закон, вы исключаете кантовскую этику, вы исключаете утилитарную этику.

Он скорее опирается на общественное согласие. И его подход вызвал огромное количество дискуссий не только среди этиков, но и в политологии, экономике и так далее.

В целом, его взгляды склоняются скорее к либеральной, чем к консервативной политико-экономической философии, основанной на этих принципах. Также в Гарварде Роберт Нозик, автор книги «Анархия, государство и утопия», придерживается, пожалуй, самых консервативных экономических и политических взглядов, какие только можно себе представить. Суть в том, что существует лишь один основной принцип.

Каждый человек имеет право приобретать всё, что может, если только он не отнимает это незаконно у кого-либо другого. Право на приобретение. Это форма этического эгоизма.

Основной моральный принцип — уважение к правам на приобретение имущества. Да, он выступает за социальную защиту для наименее обеспеченных слоев населения. Но по сути, это абсолютный индивидуализм.

Мне кажется, он является философским воплощением той самой рейганомии, которая говорила об индивидуальной инициативе и, по сути, о правах на приобретение активов с минимальным правовым регулированием и системой социальной защиты. Любопытно, что в Гарварде одновременно работали два человека на одном и том же факультете. Несколько лет назад один из наших выпускников учился на юридическом факультете в Гарварде, и они обсуждали ... Эти две точки зрения обсуждались на одном занятии по праву, когда голос из задней части зала, который оказался голосом Ролза, прервал и поправил кого-то.

И еще один голос, как оказалось, принадлежал Нозику, который тоже прервал их с другой стороны комнаты, и так они вдвоем, студенты юридического факультета, начали обсуждать этот вопрос. Подозреваю, что дискуссий было много. Алан Гудворт из Чикагского университета вышел на пенсию всего пару лет назад.

Разум и мораль. По сути, он кантовец. И во многом он представляет собой возрождение кантовских подходов к этике.

Часто это называют уважением к личности. Уважение к личности — это основной принцип. Вы помните, что вторая формулировка категорического императива Канта гласила, что мы всегда должны относиться к людям как к цели, а не просто как к средству.

Уважение к личности. Алан Гудворт пытается это сформулировать, исходя из того, что каждый из нас хочет иметь максимально возможную свободу для реализации своего жизненного замысла. Тот факт, что я хочу этой свободы, если я хочу быть логически последовательным, а не логически противоречивым, означает, что я должен уважать свободу других людей в достижении той же цели.

Таким образом, у нас есть то, что он называет принципом общей непротиворечивости. Принцип общей непротиворечивости, который на самом деле является принципом универсализуемости Канта. Вы не хотите утверждать свои собственные цели, свои собственные права в нарушение тех же прав у других.

Это было бы нарушением принципа общей последовательности. Поэтому он попытался таким образом восстановить кантовскую этику. Алан Донеган,

который также много лет работал в Чикаго, а затем перешел в Калтех, умер всего полтора-два года назад.

Книга Алана Донегана «Теория морали» также носит кантовский характер. Он попытался развить принцип уважения к личности и посмотреть, какие выводы из него можно сделать в плане применения более специфической этики. Он утверждал, что основные принципы иудео-христианской этики верны.

Вам будет интересно узнать, что он однажды рассказал мне, когда был здесь: хотя ему потребовалось много лет, чтобы обдумать и доказать свою точку зрения, после того как книга была отправлена в типографию, он пришел к выводу, что если иудео-христианская этика верна, то и лежащая в её основе теология, вероятно, тоже, и ему следует стать христианином. И, будучи этичным человеком, он так и сделал. И в то же время весьма примечательной личностью.

Книга Алана Донегана очень ценна. Аласдер Макинтайр – имя, которое вы наверняка слышали в разговорах со многими знакомыми. Три работы в этой области оказали большое влияние и представляют собой поворот от подходов, основанных на правилах, к моральным решениям и действиям.

От этого отходим от подхода, основанного на правилах, к принятию моральных решений. Этика принятия решений. От этого мы скорее отходим к тому, что мы называем этикой добродетели.

Акцент делается на моральном характере. На моральных качествах человека, а не на моральных качествах отдельных поступков.

В своей книге «После добродетели» он проследил всю историю этики, начиная с досократовских времен, фактически с гомеровских времен, еще до досократиков, вплоть до посткантианских. Он подчеркнул, что ранние греки, а затем Платон, Аристотель, стоики и средневековые мыслители, прежде всего интересовались развитием добродетели. Забота о росте и развитии души нашла отражение в трудах Платона.

У Августина и других мыслителей мы находим развитие характера. И только в XVIII веке, в эпоху Просвещения, мы видим развитие этики, основанной на правилах, где решения и действия имеют первостепенное значение. Однако следует быть осторожным и не делать чрезмерных обобщений.

Безусловно, у таких людей, как Августин и Фома Аквинский, с их подходами к этике, основанными на естественном праве, присутствует озабоченность моральными нормами, а именно естественным моральным законом, а также библейским законом, которые должны направлять моральные решения и

побуждать к правильным поступкам. Это так. Но более важная задача — это вопрос добродетелей .

На самом деле, интересно заметить, и поначалу это может показаться парадоксальным, что, когда Фома Аквинский говорит о правилах теории справедливой войны, он делает это под широкой рубрикой добродетели любви. Добродетели любви. Потому что любовь требует, чтобы справедливость была смягчена любовью.

Таким образом, справедливую войну следует понимать именно так. Однако Макинтайр не только прослеживает развитие этих двух традиций в этике, но и рассматривает то, что последовало за добродетелью в этике, основанной на правилах, изучает развитие утилитаризма и его полное безразличие к вопросам добродетели. Понимаете, его интересует лишь максимальная полезность действий и политики.

Речь идёт о достижении неморальных целей, а не моральной цели развития персонажа. Он это делает. Но он также подчёркивает, что эти цели основаны на разных традициях, разных философских традициях, которые несоизмеримы.

Теперь, говоря о несоизмеримости, мы подразумеваем, что нельзя оценивать одно по нормам другого. Нельзя перевести одно в термины другого. Они не сводятся друг к другу.

И он развивает эту тему дальше во втором томе, «Чья справедливость, какая рациональность?». Вопрос о чьей справедливости ясно показывает несоизмеримость традиций в отношении смысла и требований справедливости. Но вопрос о том, какая рациональность, подчеркивает несоизмеримость доводов, приводимых в поддержку предлагаемых моральных точек зрения. Здесь задействованы различные стандарты рационального суждения.

И эта тема вновь проявляется в его третьем томе, вышедшем всего пару лет назад, «Три конкурирующие версии нравственного исследования». Три конкурирующие версии нравственного исследования. Теперь, если у вас есть время прочитать только одну из этих трех, прочитайте третью.

Эта книга гораздо лаконичнее остальных. Думаю, каждую из них можно было бы написать вдвое короче, и аргументация была бы изложена более убедительно. Но Макинтайр — это человек шотландско-ирландского происхождения, очень экспрессивный в своих высказываниях и в выражении своих интересов, поэтому его работы увлекательны и содержат множество исторических сведений, особенно касающихся шотландцев.

Я имею в виду, вы получаете образование по истории Шотландии и всему остальному, а также по другим темам. У него просто потрясающий интерес к социальной истории, не только к интеллектуальной истории, но и к социальной истории в целом, что очень эффективно проявляется в его работах. Теперь, три конкурирующие традиции, представленные в третьем томе, очевидно, отличаются друг от друга в своем взгляде на разум, а также в своем взгляде на основы этики.

Первая — аристотелевская традиция. Аристотелевская традиция, которая, конечно же, получила гораздо более полное развитие благодаря Фоме Аквинскому. Вторая версия — это версия эпохи Просвещения XVIII и XIX веков.

Он цитирует некое издание «Энциклопедии Британника» XIX века, в котором была статья об этике, рассматривавшая этику как ещё одну науку, постепенно накапливающую всё больше и больше моральных знаний, которые становились общепризнанными, пока мы не получим универсальную науку об этике, основательно основанную на позитивистском мышлении. Точнее, на рационалистическом подходе, который он видит как результат подхода, основанного на правилах, характерного для некоторых писателей XVIII века. Затем следует третья версия, третья традиция — Ницше.

И это, конечно же, то дополнение, которое он вносит к остальным. И я думаю, справедливо будет сказать, что он добавляет ницшеанскую этику борьбы за власть между сильными и слабовольными. Ну, в общем, ницшеанские идеи.

Пока он занимался другими вещами, мы наблюдали настоящий всплеск постмодернизма, понимаете, с его акцентом на то, что мы сейчас называем политической корректностью, но что по сути было субъективизмом, рассуждениями о моей истине, моих моральных стандартах и так далее, исходя из утверждения не рационально обоснованных, а волюнтаристски обоснованных желаний. И поэтому он выдвигает эти три альтернативы и пытается определить, к чему на самом деле приводит выбор между ними. Но помните, что у них разное понимание того, что составляет рациональность.

В первой традиции существует концепция мудрости, восходящая к Аристотелю, мудрости и благоразумию. Она заимствована у Аристотеля и вновь появилась в Средневековье. Во второй традиции это дедуктивное рассуждение в квазинаучной форме, то есть это сциентистский идеал.

А в третьем случае, конечно же, причина сводится к простому рационализации. Она служит эмоциям. И здесь вы можете почувствовать, откуда он это берет.

Интересно, что подобные вещи тесно связаны с его собственной автобиографией. Ведь он начал писать о проблеме религиозного языка еще в

молодости, в 50-х годах. Вы помните его вклад в дискуссию о религиозном языке, когда он говорил об идиосинкратической банальности, об идиосинкратической природе религиозных языков, отличающейся от других способов использования языка, так что нельзя обосновать религиозные убеждения какими-либо другими способами использования языка.

Суть в том, что тогда у него была глубоко бартовская теология, согласно которой Бог познаётся совершенно независимо от рациональных процессов посредством некоего экзистенциального взаимодействия. Однако с годами он полностью отделился от христианства. Его интересовал марксизм, и эти три книги представляют собой постепенное возвращение к некоторому теизму. Поэтому, когда он опубликовал «После добродетели», он был аристотелевцем, но не вернулся к христианству.

И этот процесс продолжался, так что в третьем томе он предстает не просто аристотелевцем, но и томистом, и исповедующим католицизм, понимаете. Так что он вернулся к христианской вере. И, как я уже говорил, как и многие другие хорошие люди, он сейчас учится в Нотр-Даме.

Так развивалась этика на протяжении многих лет. Поэтому, я думаю, справедливо будет сказать, что за последние 20 лет это пять самых влиятельных людей в области этики. Мне кажется, влияние Ролза продолжается и будет продолжаться, причем в большей степени, чем влияние Нозика, Гевирта и Донегана.

И на данном этапе, пожалуй, наиболее обсуждаемыми авторами, с которыми вам следует познакомиться, являются Ролз, рассматривающий этические решения, основанные на правилах и принципах, и Макинтайр, изучающий этику добродетели. Что ж, позвольте мне остановиться на этом и предоставить вам возможность задавать вопросы, давать отзывы, комментировать, добавлять что угодно. В результате нормативная этика, как и философия религии, снова жива и здорова, несмотря ни на что.

Как они относятся к справедливости и милосердию? К справедливости — да. Много говорят о справедливости. Ролз определяет справедливость как справедливое распределение благ и издержек общества.

Нозик, в плане защиты индивидуальных прав, по сути, выступает за права приобретения. Гевирт — в плане уважения к другому человеку и его жизненному проекту. Донеган — опять же, в плане защиты индивидуальных прав.

Поэтому, я думаю, справедливо будет сказать, что акцент на справедливости делается в рамках теории прав. И мне также кажется интересным, что ни один

из этих четырех мыслителей не является утилитаристом. Это не означает, что они игнорируют последствия; это не так.

Но они не утилитаристы в том смысле, что не работают над всем, руководствуясь принципом полезности. Поэтому уважение к личности, как отмечают Кантианы, и теории прав человека кажутся довольно важными. Оба, Донеган (пока что Донеган), безусловно, сказали бы, что библейская этика выходит значительно за рамки кантовского подхода к этике.

Хотя я не уверен, что он когда-либо довел это до своего удовлетворения. Я помню, как он выступал с основными лекциями на нашей философской конференции через несколько лет после выхода теории морали. Во время дискуссии я помню, как Рич Мао из Кальвинского колледжа стоял в том углу, если бы мы находились в восточном крыле Эдмунда, задавал вопросы Донегану, стоявшему на трибуне, и пытался шаг за шагом подвести его к тому, чтобы тот объяснил, как христианская этика повлияет на его этическое мышление.

И он постепенно приходил к пониманию, но ему приходилось мыслить так, как он никогда раньше не думал, до того, как стал теистом. Он вырос в методистской семье в Австралии, но, думаю, он не особо задумывался с теистической точки зрения со времен аспирантуры. Хорошо, Макинтайр оказывает большое влияние на христианских этиков.

Он оказал огромное влияние на теолога Стэнли Хауэрваса, который развивал этику добродетели с более теологической позиции и связывал её с нарративными подходами к этике, с повествованием традиции. Подобные вещи можно увидеть имплицитно в акценте на различных традициях. Таким образом, участие в жизни традиции, жизни сообщества и присвоение её истории себе — это один из способов усвоить ценности этой традиции и начать перенимать её добродетели.

Таким образом, вся теория нравственного развития подвергается глубокому влиянию подобного подхода. Как бы Макинтайр оценил достоинства той или иной традиции? Да, это слабое место. Нужно стараться сохранять последовательность.

Вы пытаетесь оценить влияние на других и конечный результат. Но, похоже, у него не сформировались четкие критические ориентиры. Поэтому все сводится к взвешиванию, я бы сказал, моральной, социальной ценности вещи.

В «После добродетели» вы обнаружите, что одним из первых его приемов является противопоставление аристократической этики гомеровской традиции и того, что позже станет сократовской этикой, где интересуются красотой, силой

и честью . Это и есть аристократическая этика. И если вы знакомы с произведениями Гомера, вы можете увидеть это в его героях.

Сократ же совсем другой. Его заботит справедливость. Дружба.

С уважением. С почтением, понимаете. Теперь он... Сказал бы я что-нибудь неправильное ? Неправильно.

Да, неполноценный. Он, кажется, не говорит, что он неправильный. Он, похоже, говорит, что он неполноценный с точки зрения того типа общества, которое он построил.

Один построил Спарту. Другой построил Афины. Выбирайте сами.

Да. Именно так. Вы совершенно правы.

По сути, термин «человеческое процветание» часто используется для обозначения конечной цели. Человеческое процветание. Что значит процветать? В аристотелевской традиции это означает полную самореализацию .

Расцвет. Процветание. Расцвет человеческого потенциала.

Но это подразумевает аристотелевскую телеологию. Что ж, мы уже переборщили.